

ФРАНК НЕЗЕМАНН

ОТ ЗАВОЕВАНИЯ К АВТОНОМИИ:
ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ
ПРИЧИНЫ ОСОБОГО ПОЛОЖЕНИЯ ФИНЛЯНДИИ
В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Уже в первые месяцы русско-шведской войны 1808–1809 гг., завершившейся завоеванием Финляндии Россией, правительством Александра I была начата работа по урегулированию статуса этой новой территории как части царской империи. Так, еще во время продвижения русских войск по территории Финляндии — 12 (24) марта 1808 г. и 5 (17) июня 1808 г.¹ — именем царя были провозглашены два манифеста, в которых сообщалось, что старые привилегии, права и свободы Финляндии будут сохранены и при царском правительстве.²

¹ Официальные сообщения на территории Великого Княжества Финляндского публиковались как в русском, так и в шведском варианте. При этом указываемая сначала более ранняя дата соответствовала действовавшему в России до 1918 года юлианскому календарю, а более поздняя — западной, григорианской календарной традиции.

² Мартовский манифест 1808 г. есть в: Kustavi Grotenfelt (Ed.). Suomenkielisiä historiallisia asiakirjoja Ruotsin vallan ajalta (vuosilta 1548–1809). Helsinki, 1912 (Acta Historica Fennica ab anno MDXLVIII ad annum MDCCCIX, Suomen Kirjallisuuden Seuran toimituksia No. 130). S. 292–293. Текст манифеста, провозглашенного в июне 1808 г., напечатан в Samling af Placater, Förordningar, Manifestor och Påbud, samt andre Allmänna Handlingar, hwilka i Stor-Furstendömet Finland sedan 1808 års början ifrån trycket utkommit. Första Delen: 1808–1812, Åbo / Turku 1821. S. 10.

Однако несравненно большее значение, чем эти два заявления, неизвестные широкой общественности в Финляндии, имела торжественная декларация, подписанная царем Александром 15 (27) марта 1809 года, накануне собрания (сейма) финляндских сословий в городе Порвоо (шведское название: Борго), в котором находилась резиденция одного из финляндских епископов.

Как сказано в русскоязычном оригинале манифеста, царь «признал за благо» «вновь утвердить и удостоверить Религию, коренные Законы, права и преимущества», которыми «по Конституциям их» до сих пор пользовались все сословия и жители этой страны, независимо от того, высокого они сословия или низкого; согласно тексту манифеста, вероисповедание, права и свободы Финляндии должны были сохраняться «в ненарушимой и непреложной их силе и действии».³

Свои слова о том, что права Финляндии сохранятся за ней и при российском господстве, Александр I повторил перед собравшимися в Порвоо представителями четырех финляндских сословий — лютеранского духовенства, дворян, горожан и крестьян — несколько раз, используя при этом похожие формулировки.

Так, в двух речах на французском языке, которые он произнес 16 (28) марта и днем позже, он вновь говорил о «фундаментальных законах» (*lois fondamentales*) Финляндии, которые должны остаться в силе при российском господстве.⁴ Похожая отсылка к тексту манифеста 15 (27) марта содержится и в подписанной Александром I в Порвоо декларации от 23 марта (4 апреля) 1809 года.⁵

Последняя отсылка содержится в речи царя, произнесенной им на закрытии сейма в Порвоо. В обращении к собравшимся представителям сословий (также на французском языке) Александр I назвал сохранение собственных законов, личную безопасность новых подданных империи, а также «неприкосновенное уваже-

³ Текст русскоязычного оригинала манифеста цитируется по: Prästeståndets Protokoll vid Borgå Landtdag år 1809 jämte Handlingar rörande Landtdagen / Ed. Elis Lagerblad). Helsingfors / Helsinki, 1899 (Skrifter utgifna af Svenska Litteratursällskapet i Finland 40). S. 455. Шведская версия текста напечатана в Samling af Placater... S. 19–20. Шведская версия текста легла в основу финского варианта, предназначенного для основных слоев населения страны, не говорящих по-шведски, см. Grotenfelt (Ed.). Suomenkielisiä asiakirjoja. S. 344–345.

⁴ Prästeståndets Protokoll. S. 456, 459–460.

⁵ Samling af Placater... S. 20–21.

ние» их собственности «важнейшими составляющими» «политической жизни» Финляндии. Однако прежние слова о «коренных законах» страны царь в своем заключительном обращении повторять уже не стал.⁶

До недавнего времени считалось, что сделанные в Порвоо заявления царя Александра I имели ключевое значение для установившегося впоследствии особого положения Финляндии в Российской империи.⁷ Однако такая точка зрения недостаточно учитывает политические мотивы и намерения царского правительства: это обстоятельство подчеркивается и в ряде основополагающих работ по истории Финляндии, выпущенных в недавнее время.⁸

На самом деле данные в Порвоо заверения следовали возникшей в XVIII веке традиции торжественных царских заявлений, которые в подозрительно похожей форме делались царем в пользу принимаемых в состав империи западных и северо-западных окраинных областей.

Посредством торжественной грамоты цари заверяли жителей только что завоеванных территорий, т. е. прежде всего аристократические и приближенные к аристократическим высшие слои населения этих областей, в том, что их права и законы останутся в силе. Между тем формулировки в такой грамоте всегда были

⁶ Prästeståndets Protokoll. S. 514.

⁷ Во-первых, такая трактовка имеет место в следующих трудах: Eino Jutikala / Kauko Pirinen. Suomen historia. Asutuksen alusta Ahtisaareen. Porvoo / Helsinki / Juva 1999, а также Matti Klinge, A Brief History of Finland, Helsinki 1984. Во-вторых, ключевое значение данных в Порвоо заверений для возникновения автономии Финляндии в Царской империи подчеркивается также во многих научно-популярных публикациях и школьных учебниках, т. е. в трудах, которые определяющим образом действуют на историческое сознание общества. См. напр.: Seppo Hannula / Esko Heikkonen / Matti Ojakoski / Jaakko Väisänen, Muutosten maailma 4. Suomen historian käännekohtia. Lukion historia, Jyväskylä, 1996. S. 11.

⁸ На эту тему см. прежде всего следующие труды: Osmo Jussila, Suomen perustuslait venäläisten ja suomalaisten tulkintojen mukaan 1808–1863. Helsinki, 1969 (Historiallisia Tutkimuksia 77); тот же автор, Maakunnasta valtioksi. Suomen valtion synty. Porvoo, 1987; Idem. Suomen suuriruhtinaskunta 1809–1917. Helsinki, 2004; Päiviö Tommila. Suomen autonomian synty 1808–1819. Helsinki, 1984. Помимо этого обзор развития исторических трактовок в отношении прозвучавших в Порвоо заверений Александра I дает Timo Soikkanen... lakiensa suojeleuksessa? Kahden tulkintamallin loukussa // Timo Soikkanen (Ed.). Taistelu autonomiasta. Perustuslait vai itsevaltius? Helsinki, 2009. S. 13–86.

размытыми и неточными, то есть не содержали никакой содержательной конкретики. Более того, условием получения такой грамоты из рук царя было провозглашение политически значимыми группами населения присоединенных к империи окраинных областей своей неограниченной лояльности по отношению к новой власти.

С формальной точки зрения предоставление такой царской грамоты напоминало старосословные церемонии принесения присяги на верность, распространившиеся в разных государственных образованиях Европы начиная с позднего средневековья. То есть в данном случае речь шла о документальном подтверждении сословных прав и свобод со стороны монарха в обмен на клятву верности со стороны новых подданных.⁹

В соответствии с самодержавным самосознанием российских правителей подобные торжественные грамоты на самом деле всегда были лишь своего рода политической декларацией о намерениях. Они никоим образом не составляли обязательной правовой основы для правовых и политических притязаний новых подданных империи, а их провозглашение никоим образом не означало, что цари считали себя в какой-либо форме связанными положениями одобренного ими местного законодательства той или иной территории. Т. е. в конечном итоге вопрос о том, смогут ли правовые формы и законы новой территории действительно остаться в силе или же их пересмотрят и даже приведут в соответствие с российскими аналогами, решался согласно соображениям политической целесообразности и политическим интересам петербургского правительства.¹⁰

В 1802 году царь Александр I сам облачил эту принципиальную позицию в крайне знаменательные слова. Эти слова

⁹ Jussila, Suomen perustuslait. S. 77–78; Osmo Jussila. How did Finland come under Russian Rule? // Michael Branch / Janet M. Hartley/Antoni Maćzak (Ed.). Finland and Poland in the Russian Empire. A Comparative Study. London, 1995 (SSEES Occasional Papers No. 29). P. 61–73, 65–66; Frank Neseemann. Ein Staat, kein Gouvernement. Die Entstehung und Entwicklung der Autonomie Finnlands im russischen Zarenreich, 1808 bis 1826. Frankfurt am Main, 2003. S. 40–42; Robert Schweitzer. Government in Finland. Russia's Borderland Policy and Variants of Autonomy // Michael Branch / Janet M. Hartley/Antoni Maćzak (Ed.), Finland and Poland in the Russian Empire. P. 91–109, 93.

¹⁰ Jussila. Maakunnasta valtioksi. S. 25–41; Idem. Suomen perustuslait. S. 77–78; Neseemann. Ein Staat, kein Gouvernement. S. 77–85, 92–93; Andreas Kappeler. Rußland als Vielvölkerreich. Entstehung-Geschichte-Zerfall. München, 2008. S. 94–98.

содержатся в указе от 19 (31) мая 1802 года о создании так называемой «Комиссии для рассмотрения финляндских дел». Задачей этой комиссии было рассмотрение правовых и административных вопросов в «Старой Финляндии»¹¹, т. е. в тех областях Финляндии, которые были в российском подчинении еще со времен российско-шведских мирных договоров 1721 и 1743 годов.

Российский император, которому через неполных семь лет предстояло гарантировать только что завоеванному Великому Княжеству Финляндскому сохранение прав и привилегий, подчеркнул при этом принципиальную возможность отмены действовавшего в «Старой Финляндии» шведского права, составлявшего в политической реальности основу управления страной после 1721 и 1743 гг. Задачей новой комиссии, как говорилось в указе от мая 1802 года, было изучить возможности для исправления имевшихся в «Старой Финляндии» административных нарушений; если в ходе работы ею будут обнаружены проблемы, недостатки или противоречия «единообразию общего в Империи Нашей управления», то в таком случае необходимо из российских законов выбрать то, что соответствует интересам, правам и преимуществам местных жителей.¹²

Кроме того, как станет ясно из приведенных ниже примеров, различные грамоты и тексты договоров, составленные в пользу новоприобретенных окраинных областей, походили друг на друга иногда вплоть до формулировок. В этой связи можно говорить о том, что царские заявления в отдельных пунктах следовали некой «формулярной традиции». Не в последнюю очередь эта традиция прослеживается в отношении областей Финляндии, присоединенных к царской империи с XVIII века.

Пассаж, напоминающий по формулировке текст манифеста от 15 (27) марта 1809 года, встречается уже в тексте шведско-русского мирного договора, заключенного 30 августа (10 сентября) 1721 года в Ништадте (финское название: Усуикаупунки), согласно которому жителям всех сословий в отошедших к России провинциях Эстляндия и Лифляндия давались гарантии того, что их привилегии, обычаи и права сохраняются в неизменной форме; лютеранской церкви на указанных территориях также было

¹¹ По-шведски: *Gamla Finland*, по-фински: *Vanha Suomi*.

¹² Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое (далее: ПСЗ I): С 1649 по 12 декабря 1825 года Тт. 1–50. СПб., 1830: ПСЗ I. 20275. Т. 27. С. 148 (выделение в тексте: Ф. Н.).

гарантировано сохранение прав в полном объеме.¹³ Территории на юго-востоке Финляндии, отошедшие к России по Ништадтскому мирному договору, — провинции Выборгская (финское название Выборга: Виипури) и Кексгольмская (финское название Кексгольма: Кякисалми) — не были явным образом упомянуты в гарантии привилегий, содержащейся в мирном договоре; однако при решении правительственных и административных вопросов соответствующие положения Ништадтского договора после 1721 года применялись петербургскими имперскими чиновниками и в отношении этих захваченных областей Карелии.¹⁴

Текст русско-шведского мирного договора, заключенного в 1743 году в Або (Турку) и впервые закрепившего завоевание царской империей чисто финляндских территорий, содержал гарантию привилегий 1721 года уже почти в дословной формулировке.¹⁵

Екатерина II, гарантировавшая отошедшему к царской империи в 1795 году герцогству Курляндскому — третьей балтийской губернии в составе Российской империи — сохранение местных прав и сословных привилегий, использовала для этого похожие, такие же размытые и неконкретные выражения.¹⁶ Спустя год, в декабре 1796 года, Павел I, сын и наследник Екатерины, заверил балтийские провинции и тогдашнюю русскую Финляндию, что, несмотря на проведенные в прошлом административные реформы, в будущем они будут вновь управляться «на особых по правам и привилегиям основаниях».¹⁷

На примере данной Павлом гарантии становится отчетливо видна уже упоминаемая относительность царских заверений в от-

¹³ ПСЗ I. 3816. Т. 6. С. 425 (§9, 10).

¹⁴ Ср. Neseemann. Ein Staat, kein Gouvernement. S. 299–300.

¹⁵ ПСЗ I. 8766. Т. 11. С. 869 (§8, 9).

¹⁶ ПСЗ I. 17 319. Т. 23. С. 664–685. См. также: Kappeler. Rußland als Vielvölkerreich. S. 75.

¹⁷ ПСЗ I. 17 634. Т. 24. С. 229. Упомянутое обещание Павла I относилось также к большей части тогдашней западной окраины империи, т. е. к отошедшим к России при разделе польской Речи Посполитой литовским территориям и западной части Белоруссии, к расположенным на западном берегу Днепра украинским областям, а также к части прежней казацкой Гетманщины, особое положение которой было почти полностью отменено при Екатерине II. Что же касается восточной части Белоруссии и всей Киевской губернии, то на них данная Павлом I гарантия распространялась лишь в ограниченном объеме. Ср.: Kappeler. Rußland als Vielvölkerreich. S. 76–78. См. также основополагающий труд об отмене автономии Гетманщины во время правления Екатерины II: Zenon Kohut. Russian Centralism and Ukrainian Autonomy. Imperial Absorption of the Hetmanate 1760s-1830s. Cambridge / Mass., 1988.

ношении прав территорий, находящихся на окраинах империи. Вопреки положениям мирных договоров 1721 и 1743 гг. Екатерина II в 1783 году ввела на указанных территориях институт наместничества, в связи с чем административные структуры центральных областей Российской империи были перенесены на северо-западные окраинные области.¹⁸

Относительность царских заверений, касающихся сохранения правового и административного статуса-кво окраинных областей империи, может быть также проиллюстрирована на примере истории Бессарабии, в 1812 году отошедшей от Османской империи. Сначала жителей Бессарабии «всех сословий» от имени царя заверили в том, что за ними будут сохранены все их прежние права и привилегии. Исползованные при этом выражения напоминали заявления, сделанные в отношении Финляндии.¹⁹ Но поскольку сохранение местных правовых форм и административных структур в Бессарабии не привело к удовлетворительным результатам с точки зрения петербургского правительства, особое положение Бессарабии было отменено уже в 1828 году, что означало включение этой области в административную систему центральных областей Российской империи.²⁰

То, что и в случае данных в Порвоо заверений российское правительство никоим образом не собиралось давать обязательств по безусловному сохранению за Финляндией особых прав, видно также из заметок тех государственных деятелей и военных, которые занимали ответственные посты в правительстве и административном аппарате страны после 1808 года.

Так, например, старший главнокомандующий российскими войсками в Финляндии генерал Буксгевден уже в феврале 1808 года в письме Георгу Магнусу Спренгтпортену, занявшему позднее пост первого генерал-губернатора, высказал следующую точку зрения: подтверждение царем исконных прав и прерогатив

¹⁸ См.: Janet Hartley. *Införandet av ståthållarskapsförfattningen i Gamla Finland // Historisk Tidskrift för Finland* 67 (1982). S. 76–100; Isabel de Madariaga. *Russia in the Age of Catherine the Great*. London, 2003. P. 316–324.

¹⁹ См. ПСЗ I. 27 357. Т. 35. С. 222–281; а также Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе (= ПСЗ II). Т. 1–55. СПб., 1830–1884: 1834. Т. 3. С. 197–204, 198. Ср. в остальном: Kappeler. *Rußland als Vielvölkerreich*. S. 92.

²⁰ Ср.: Kappeler. *Rußland als Vielvölkerreich*. S. 92–93. По истории относительно непродолжительной бессарабской автономии см. также George F. Jewsbury, *The Russian Annexation of Bessarabia 1774–1828. A Study of Imperial Expansion*. New York, 1976.

Финляндии может иметь обязательный характер для российской стороны только в той мере, в которой эти права не противоречат «конституции нашей страны», а также только если обстоятельства это позволяют и если жители страны «своим поведением» показывают стремление заслужить эту особую милость суверена.²¹

Если Буксгевден входил в число тех представителей российской стороны, которые относились к возможности автономии Финляндии в царской империи с значительным скептицизмом,²² то государственный секретарь Михаил Михайлович Сперанский, ближайший советник Александра I до 1812 года, без сомнения, являлся самым влиятельным сторонником особого правового и административного положения Великого Княжества Финляндского.²³ Несмотря на это, излагая свои соображения относительно политического будущего Финляндии, он несколько не сомневался в том, что интересы всей империи всегда должны иметь приоритет перед интересами Великого Княжества Финляндского.²⁴

²¹ Архив внешней политики Российской Федерации, Москва. Ф. 3. Д. 2032 (Sprengrporten Réception). № 226. Л. 30 (копия этого документа имеется также в соответствующем собрании микрофильмов Финского национального архива — Suomen Kansallisarkisto [Национальный архив Финляндии, сокращенно КА] Helsinki, Neuvostoliiton mikrofilmit [сокращенно NL MF] 178).

²² См.: Tommila. Suomen autonomian synty. S. 29–31; Robert Schweitzer. Die «Baltische Parallele»: gemeinsame Konzeption oder zufällige Koinzidenz in der russischen Finnland- und Baltikumpolitik im 19. Jahrhundert? // Zeitschrift für Ostforschung 33 (1984). S. 551–577, 565.

²³ Tommila. Suomen autonomian synty. S. 32; Nesemann. Ein Staat, kein Gouvernement. S. 112–120. Показательно также то, что финляндский фаворит Александра I — граф Густав Мауриц Армфельт — принимал, очевидно, активное участие в интригах, приведших к политическому «падению» Сперанского в 1812 году: питая глубокое недоверие к государственному секретарю, Армфельт пытался нейтрализовать его определяющее влияние на правительственные и административные дела Финляндии. См.: Stig Ramel. Gustaf Mauritz Armfelt som östpolitisk strateg // Historisk Tidskrift för Finland 82 (1997). S. 289–300, 296; Peter Scheibert. Marginalien zu einer neuen Speranskij-Biographie // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge (=N. F.) 6 (1958). S. 449–467, 464–467; Carl von Bonsdorff. Finska uttalanden om Michael Speranskys fall. Helsingfors/Helsinki, 1911 (Skrifter utgifna af Svenska Litteratursällskapet i Finland 100). S. 2–3, 22.

²⁴ Ср. с текстом докладной записки Сперанского «О соединении старой Финляндии под одно именование и один образ управления»: Российский государственный исторический архив [сокращенно РГИА]. Санкт-Петербург. Ф. 1164. Оп. 16. Д. 15. Лл. 1–33, 20–33, 29 [копия упомянутого источника имеется также в собрании микрофильмов Финского национального архива —

Соответственно он придавал лишь незначительное политическое значение сейму в Порвоо, организацией которого сам руководил. Основное назначение сейма, как писал Сперанский в апреле 1809 года, состоит в том, чтобы финляндские сословия принесли присягу верности царю — в качестве необходимого условия для заверений царя в отношении прав Финляндии. Он надеялся, что проведенная в Порвоо церемония благоприятно скажется на настрое жителей Финляндии по отношению к их новому правителю.²⁵

В июне 1809 года в письме Михаилу Барклаю-де-Толли, только что назначенному генерал-губернатору Финляндии, Сперанский дал понять, что задача сейма — давать царю советы, и сейм ни в коем случае не должен иметь права принимать решения, имеющие обязательный характер.²⁶

Названные Сперанским цели, достижению которых с российской точки зрения в первую очередь служило проведение сейма в Порвоо, дошли и до внимания финляндской стороны. При этом российские намерения вызвали резонанс прежде всего в рядах относительно небольшой — и до 1808 года пользовавшейся в стране плохой репутацией — группы дружелюбно настроенных к России бывших эмигрантов, образовавшейся вокруг первого генерал-губернатора Георга Магнуса Спренгтпортена. Эта группа еще до русско-шведской войны выступала за политическое существование Финляндии с опорой на царскую империю.

Еще за год до проведения сейма в Порвоо в письме российскому министру иностранных дел Румянцеву от 18 (30) марта 1808 года Спренгтпортен в этой связи говорил о том, что на предстоящем собрании сословий должна быть утверждена «фундаментальная конституция» (*constitution fondamentale*) страны, поскольку

КА Helsinki, NL MF 26]. См. также: Peter Scheibert (Hrsg.). Eine Denkschrift Speranskijs zur Reform des Russischen Reichs aus dem Jahre 1811 // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte 7 (1959). S. 26–58, 37.

²⁵ Два письма, адресованные финляндским ассистентам Сперанского: Роберту Хенрику Ребиндеру, позднее занявшему пост статс-секретаря по делам Финляндии, и Якобу Тенгстрёму, епископу (позднее архиепископу) Турку/Або, от 2 апреля 1809 года: Prästeståndets Protokoll. S. 466–467. Мнение, что предстоящий сейм не будет сеймом в собственном смысле слова, а будет организован прежде всего с тем, чтобы жители завоеванной страны принесли присягу на верность царю, разделял кроме того и тогдашний министр иностранных дел России Румянцев. См.: J. R. Danielson. K. H. Kliekin valtiollisia kirjoituksia v. 1808 // Historiallinen arkisto 10 (1889). S. 266–290, 285.

²⁶ Prästeståndets Protokoll. S. 510.

такой шаг необходим в интересах «спокойного поведения жителей»; и что подтверждение прав и привилегий Финляндии является наилучшим способом заручиться поддержкой российских интересов со стороны жителей Финляндии. Спрентгпортен полагал, что после объявления о созыве депутатов на сейм сложится ситуация, при которой жители Финляндии смогут почувствовать себя польщенными тем фактом, что сохранена их гражданская свобода— несмотря на перемену, которая подчиняет их деспотической зависимости.²⁷

Через некоторое время после написания этого письма Спрентгпортен по другому поводу пояснил, что признание Александром I «фундаментальных законов» Финляндии может в его глазах иметь силу лишь постольку, поскольку эти «фундаментальные законы» не идут вразрез со всеимперскими законами.²⁸

То, что многочисленные участники сейма в Порвоо, очевидно, тоже не ждали от собрания сословий ничего иного, кроме принесения присяги на верность новому правителю, становится ясно из высказываний двух депутатов. Согласно лаконичному описанию событий сейма в Порвоо, данному одним из участников, депутаты принесли присягу на верность царю, обсудили несколько практических вопросов и разъехались по домам.²⁹ В речи, произнесенной незадолго до окончания сейма, крупный купец Петтер Юхан Блад, также являвшийся депутатом сейма, подчеркнул, что до начала сейма у участников не могло быть никаких других ожиданий, кроме того, что им придется «присягнуть на верность новому, великому и милостивому монарху и сразу уехать домой»; тем больше, по его словам, оказалась радость от того, что жителям Финляндии в общем и целом вновь подарили их старую «конституцию».³⁰

По таким высказываниям, как высказывание Блада, видно, что заверения Александра I были восприняты финляндскими участниками сейма именно в том смысле, который вкладывался

²⁷ Спрентгпортен Румянцеву, 18 (30).03.1808 / Robert Castrén, Skildringar ur Finlands nyare historia. Första samlingen. Helsingfors / Helsinki, 1882. S. 103–104.

²⁸ Ibid. S. 105.

²⁹ Osmo Jussila. Finland som storfurstendöme // Osmo Jussila / Seppo Hentilä / Jukka Nevakivi (Ed.). Finlands politiska historia 1809–1998. Esbo/Espoo, 1998. S. 11–119, 22.

³⁰ Vällöflige Borgare Ständets Protokoller [*sic*] vid Landtdagen i Borgå år 1809 / Ed. Elis Lagerblad. Helsingfors / Helsinki, 1886 (Skrifter utgifna af Svenska Litteratursällskapet i Finland 4). S. 186.

в них российской стороной, — как акт милости правителя по отношению к новым подданным империи. Трактовка, появившаяся в последние десятилетия XIX века среди финляндских политиков и специалистов по государственному праву, согласно которой царь и его новые финляндские подданные заключили в Порвоо своего рода договорное соглашение об основаниях принадлежности Финляндии к империи, была еще совсем чужда современникам этого события. Кроме того, в преддверии сейма и во время сейма была весьма отчетливо продемонстрирована истинная расстановка сил: с одной стороны — сопровождаемый большой свитой царь, победивший в войне, а с другой — созванные по его собственному желанию представители сословий побежденной страны.³¹

Ведущие государственные деятели Финляндии на протяжении многих лет после сейма полностью отдавали себе отчет в том, что данные в Порвоо обещания были по сути непредвиденным проявлением царской милости. Однако уже во время сейма и в последующие годы они старались трактовать расплывчатые и неконкретные слова царя в русле и в интересах собственных государственно-правовых воззрений.

Например, упомянутый выше купец Петтер Юхан Блад в своей речи на сейме говорил именно о «конституции 1772 года» и о том, что царь своей милостью вновь подарил ее финнам.³² В похожем ключе высказался и спикер собравшегося в Порвоо сословия горожан, коммерции советник Кристиан Трапп младший, происходивший родом из Турку (Або). По его словам, на сейме он был несколько удивлен, что вместо того, чтобы по праву победителя навязать Финляндии собственную форму правления, царь «столь же благородно, сколь и неожиданно» вернул стране «конституцию» 1772 года.³³

Под этим понималось не что иное, как объявленная в 1772 году форма правления (*Regeringsformen*) Густава III; наряду с «Актом единения и безопасности» (*Förenings- och Säkerhetsakten*) 1789 года эта форма правления положила начало неоабсолютистской власти шведского короля (убитого в 1792 году).

³¹ См.: Osmo Jussila. Kejsaren och lantdagen — maktrelationerna, särskilt ur kejsarens synvinkel // *Historisk Tidskrift för Finland* 64 (1979). S. 105–127, 113–114; см. также: Pentti Renvall. Über die Wurzeln der finnischen Autonomie im 18. Jahrhundert // *Sitzungsberichte der finnischen Akademie der Wissenschaften* 1960. S. 185–204, 185.

³² Borgare Ständets Protokoller. S. 186.

³³ Ibid. S. 43. Кетати, в соответствующем ключе Трапп высказался еще 26 марта 1809 года, во время учреждения сейма, см.: Ibid. S. 4.

Возникшая в обстоятельствах, напоминающих государственный переворот, форма правления 1772 года, подтвержденная и дополненная «Актом единения и безопасности», покончила со сложившимися в «Эпоху свободы» (*frihetstiden*) правами сословий на участие в управлении королевством — и коснулось это в первую очередь дворянства. На смену пришла система, при которой собственно правительственные дела находились только в руках короля.³⁴

Что касается традиционных прав участия сословий в принятии законов, то Закон о форме правления 1772 года формально не ограничил эти права. Согласно Закону о форме правления 1772 года принятие решений по регламентирующим государственную жизнь «фундаментальным законам», гражданским, уголовным и религиозным положениям, а также сословным привилегиям по-прежнему было совместным делом короля и имперского сейма; обе стороны по-прежнему сохраняли за собой право на внесение законодательных инициатив, а также взаимное право налагать вето. Однако в связи с принятием Закона о форме правления 1772 года появилось значительное поле для интерпретаций в вопросе того, что именно считать официальным законом, а что — просто постановлением правительства. Дело в том, что с 1772 года Густав III часто правил посредством постановлений, для которых ему не требовалось заручаться согласием сословий.³⁵

³⁴ Согласно принятой в 1772 году форме правления, имперский совет (лишенный политической власти и в итоге распущенный после принятия «Акта единения и безопасности») и государственные служащие должны были подчиняться только королю. Король получил также право по собственному усмотрению распорядиться финансовыми средствами государства. Кроме того, только он принимал решения в вопросах внешней политики, хотя формально при заключении внешнеполитических договоров он был обязан выслушивать мнение имперского совета. Но в политической практике после 1772 года Густав III пользовался почти полной самостоятельностью во внешнеполитических делах; «Акт единения и безопасности» официально освободил короля от необходимости соблюдать действовавшее до той поры условие, согласно которому король мог начинать войну только с согласия сословий. См.: Ikka Mäntylä. Kustavilainen aika // Suomen historian pikkujättiläinen. Porvoo / Helsinki / Juva, 1997. S. 313–357, 313, 328; Jörg-Peter Findeisen. Schweden. Von den Anfängen bis zur Gegenwart, Regensburg 1997 (Geschichte der Länder Skandinaviens). S. 178; Otfried Czaika/Jörg-Peter Findeisen. Schweden // Peter Brandt / Martin Kirsch / Arthur Schlegelmilch (Hrsg.). Handbuch der europäischen Verfassungsgeschichte im 19. Jahrhundert. Institutionen und Rechtspraxis im gesellschaftlichen Wandel. Bd. 1: Um 1800. Bonn, 2006. S. 978–1023, 990.

³⁵ См.: Mäntylä. Kustavilainen aika. S. 313, 328.

Второй государственный переворот короля, совершенный в 1789 году, в рамках которого он октроировал «Акт единения и безопасности», привел к дальнейшему формальному выхолащиванию законодательных компетенций сословий, поскольку по новому закону о правлении право вносить законопроекты на имперских сеймах оставалось только за королем.³⁶

После 1809 года авторитетные государственные деятели Финляндии хранили верность политическому и государственно-правовому наследию Густава III. А вот бывшие «антигуставианские» оппозиционеры и российские эмигранты, объединившиеся вокруг первого генерал-губернатора Георга Магнуса Спренгтпортена, смещенного со своей должности летом 1809 года, в значительной мере потеряли свое влияние на политическую жизнь великого княжества.³⁷

Согласно представлениям финляндских «густавианцев», за сословиями должны были быть сохранены традиционно имевшиеся у них права на участие в принятии законов и право давать свое согласие на взимание налогов, однако собственно правительственные дела должны были находиться исключительно в руках монарха. Однако учрежденная таким образом исполнительная власть монарха должна была, по мнению «густавианцев», придерживаться права и закона, по возможности исключая любой монархический произвол.³⁸

Поэтому уже во время сейма, а также и в последующие годы ведущие государственные деятели Финляндии выступали с заявлениями и докладными записками, в которых они — иногда обращаясь к самому царю — относили данные Александром I в Порвоо заверения именно к упомянутым законам эпохи правления Густава III.

Так, например, Карл Эрик Маннергейм,³⁹ возглавивший вызванную в Санкт-Петербург осенью 1808 года делегацию представителей финляндских сословий, еще на сейме 1809 года высказал точку зрения, что царь подтвердил действенность как Закона о форме правления Швеции 1772 года, так и «Акта о единении и безопасности».⁴⁰

³⁶ Ibidem.

³⁷ Ср.: Nesemann. Ein Staat, kein Gouvernement. S. 149–151.

³⁸ См.: Mäntylä. Kustavilainen aika. S. 313.

³⁹ Карл Эрик Маннергейм был прадедом Карла Густава Эмиля Маннергейма (1867–1951), главнокомандующего финской армией во II Мировой войне, с 1944 по 1946 год занимавшего также пост президента страны.

⁴⁰ Elis Lagerblad (Ed.). Protokoll, förda hos Höglofliga Ridderskapet och Adeln vid Landtdagen i Borgå, år 1809. Helsingfors / Helsinki, 1905 (Skrifter utgifna af

Другой известный густавианец, Юхан Альбрехт Эренстрём, позднее внесший значительный вклад в руководство архитектурным преобразованием Хельсинки как новой столицы Финляндии, в одной из записок 1812 года писал в духе Маннергейма, что «конституция» 1789 года была подтверждена царем в Порвоо.⁴¹ По-видимому, в собирательное понятие «конституция 1789 года» Эренстрём включал как Закон о форме правления Швеции 1772 года, так и подтверждающий и дополняющий его «Акт о единении и безопасности».⁴²

Друг Эренстрёма Густав Мауриц Армфельт, бывший в свое время одним из ближайших соратников Густава III, а в 1811 году перешедший на русскую службу и быстро ставший фаворитом Александра I среди финляндских политиков,⁴³ в своем обращении к царю также недвусмысленно связал законы 1772 и 1789 гг. с данными в Порвоо гарантиями в отношении сохранения «фундаментальных законов» Финляндии.

Армфельт, занявший пост председателя основанного в 1811 году Комитета финляндских дел (Comité för Finska Ärenderne) и вплоть до своей кончины в 1814 году игравший доминирующую роль в управлении Финляндией, в том же 1811 году представил царю докладную записку, с помощью которой хотел добиться объединения великого княжества со «Старой Финляндией».⁴⁴

Svenska Litteratursällskapet i Finland 67). S. 110. Кроме двух вышеназванных законов Густава III о правлении, в качестве составной части подтвержденной царем «конституции» Финляндии Маннергейм упомянул также провозглашенные в 1723 году привилегии аристократии. Еще в сентябре 1808 года, являясь главой приглашенной в Санкт-Петербург финляндской делегации, Маннергейм в разговоре с российским министром Салтыковым назвал Закон о форме правления Швеции 1772 года и «Акт о единении и безопасности» составными частями «конституции Финляндии». См.: Friherre Mannerheims enskilda note till N. Exc. Ministern Grefve Soltykoff // Historiallinen arkisto 9 (1886). S. 314–317, 315.

⁴¹ Докладная записка Эренстрёма об управлении Финляндией (1812) «Reflexioner öfver den allmänt befundne nödige och troligen äfven förestående Förändring i Finlands Civila Styrelse» цит. по: KA Helsinki, Stjernvall-Walleenin suvun koelma. XXIII (VA Y 1237). S. 51

⁴² Такая же оценка дается в: Jussila. Suomen perustuslait. S. 109.

⁴³ О жизни этого политика, задававшего тон политическим дискуссиям в начальной фазе финляндской автономии, см.: Stig Ramel. Gustaf Mauritz Armfelt 1757–1814. Dödsdömd kungagunstling i Sverige, ärad statsgrundare i Finland. Stockholm, 1997.

⁴⁴ Подробнее о планах Армфельта по объединению Финляндии и о его роли в их последующей реализации см.: Jyrki Paaskoski. G. M. Armfelt och Gamla Finland // Historisk Tidskrift för Finland 82 (1997). S. 301–317; а также: Frank Neseemann. «Ein großes Werk und für die Menschheit kein geringer Gewinn».

В качестве одной из целей такого смелого политического требования Армфельт назвал желание предоставить «Старой Финляндии» возможность пользоваться той «конституцией», которую Александр I уже подтвердил в отношении великого княжества. В данном случае под «конституцией» Армфельт недвусмысленно понимал положения, касающиеся прав и привилегий четырех сословий: «в силу распоряжений и декретов, изданных после заключения Ништадтского и Абоского мирных договоров, и прежде всего в силу Конституции / Закона о форме правления от 21 августа 1772 года и «Акта о единении и безопасности» 1789 года».⁴⁵

Юхан Фредрик Аминофф, один из «трех старых густавианцев» (наряду с Армфельтом и Эренстрёмом), которые в свое время входили в ближайшее политическое окружение Густава III,⁴⁶ составил докладную записку царю, датированную 20 января (1 февраля) 1817 года, в которой ознакомил царя с некоторыми основными положениями законов о правлении 1772 и 1789 гг. При этом он без каких-либо оговорок и со всей недвусмысленностью связал данные царем в Порвоо заверения именно с этими законами. Александр I, который в своем понимании монархического правления всегда следил за тем, чтобы на его самодержавную власть не накладывалось ни малейшего формального ограничения, мог теперь прочитать в записке Аминоффа, что в Порвоо им были «недвусмысленно подтверждены» «законы Густава III» и что поэтому в основу представленных в записке сведений Аминофф положил именно Закон о форме правления Швеции 1772 года и «Акт о единении и безопасности».⁴⁷

Как видно уже из вышеприведенных примеров, крупные государственные деятели Финляндии неоднократно — и без каких-либо оговорок — декларировали российской стороне принци-

Politische Motive und ideengeschichtliche Hintergründe für die Vereinigung des Wiborger Gouvernements mit dem Großfürstentum Finnland (1811/1812) // Robert Schweitzer (Hrsg.). Zweihundert Jahre deutsche Finnlandbegeisterung. Zur Entwicklung des deutschen Finnlandbildes seit August Thiemes «Finnland»-Poem von 1808 (Schriftenreihe des Finnland-Instituts in Deutschland 11/Veröffentlichungen der Aue-Stiftung 25). Berlin, 2010. S. 55–70, 60–65.

⁴⁵ KA Helsinki. G. M. Armfeltin arkisto. I 4 (VA Y 1059): «Réflexions sur la Réunion de l'Ancienne et de la Nouvelle Finlande». S. 22.

⁴⁶ Cp.: Tommila. Suomen autonomian synty. S. 84–85; Jussila. Suomen perustuslait. S. 107.

⁴⁷ KA Helsinki. Kenraalikuvernöörin kanslia. Salaisset aktit. Fc 48, № 2 (4). S. 2. Черновик этой докладной записки Аминоффа имеется также в: KA Helsinki. Riilahden kartanon arkisto. 32.

пиальную преемственность учрежденного при Густаве III политического и государственно-правового устройства. Однако между собой они знали: неопределенные заверения Александра ни в коем случае нельзя трактовать как принципиальный и бессрочный отказ от любого потенциального вмешательства в действующее законодательство страны. Поэтому в сложившейся ситуации они сочли уместным создать неразрывную связь между гарантиями, данными царем в Порвоо, и государственно-правовым наследием Густава III — даже если сами финляндские «густавианцы» подчас вынуждены были признавать, что в содержательном плане это государственно-правовое наследие ни в коем случае нельзя было считать полностью неоспоримым.

Так, уже Эренстрём в своей докладной записке 1812 года писал, что «конституция 1789 года» была порождена «насушными обстоятельствами того времени» и составлена в большой спешке и что она, разумеется, не лишена ошибок. Однако, по его мнению, теперь, когда ее действенность была подтверждена на сейме 1809 года в самой торжественной обстановке, нет ни малейшего повода пристально изучать эти ошибки; теперь, по его словам, следует использовать ее преимущества для повышения всеобщего блага в той мере, в какой это только возможно.⁴⁸

Более молодой «густавианец» Роберт Хенрик Ребиндер, в период с 1826 по 1841 год занимавший должность министра-статс-секретаря по делам Великого Княжества Финляндского и игравший таким образом ключевую роль в административных отношениях России и Финляндии, в своем меморандуме от 1816 года также говорит о слабых сторонах популярной в Финляндии «теории преемственности» в отношении густавианского государственного права. В этом документе Ребиндер отмечает, что Закон о форме правления 1772 года нуждается по крайней мере в частичной переработке: так, например, уже в первом его параграфе в качестве обязательного условия для правителя выдвигается принадлежность к евангелическо-лютеранскому вероисповеданию.⁴⁹ Далее Ребиндер поясняет: пересмотр имеющейся «конституции» целесообразен хотя бы уже потому, что теперь Финляндией пра-

⁴⁸ Докладная записка Эренстрёма об управлении Финляндией (1812) «*Reflexioner öfver den allmänt befundne nödige och troligen äfven förestående Förändring i Finlands Civila Styrelse*»: цит. По: KA Helsinki. Stjernvall-Walleenin suvun kokoelma. XXIII (VA Y 1237). S. 51.

⁴⁹ KA Helsinki. Riilahden kartanon arkisto. 43: Докладная записка Ребиндера «*Svar på en Finsk Patriots Reflexioner rörande åtskillige Allmänna angelägenheter*», 29.10.1816 (данная архивная единица не имеет нумерации страниц).

вит другой монарх, а значит, абсолютно необходима адаптация существующей на данный момент конституционной структуры к изменившимся политическим условиям.⁵⁰

Однако и в представлении самих жителей Финляндии сохранение густавианского политического устройства в конечном счете в любой момент зависело исключительно от царского благоволения. Об этом свидетельствует цитата из частной переписки Карла Эрика Маннергейма: «В настоящее время у нас нет ни конституции, ни основных законов, — писал он Эренстрёму в сентябре 1818 года, — всё зависит от одного, и на него мы возлагаем все наши надежды».⁵¹ Несколько месяцев спустя, в январе 1819 года, в письме тому же адресату он дал такую оценку ситуации: в Великом Княжестве Финляндском хоть и есть собственные законы, четко определенные формы управления и временное правительство, но там нет конституции в собственном смысле этого слова, а значит, и нет надежного задела на будущее.⁵²

Осознавая эти обстоятельства, ключевые политики Финляндии в следующее за сеймом десятилетие искали недвусмысленных, обязательных гарантий со стороны царя в отношении «конституции» Финляндии в том виде, в каком они ее понимали, — т. е. в первую очередь в отношении густавианских законов о правлении.⁵³

Таковые устремления реализовывались на фоне постепенного изменения значения понятия «конституция», происходившего в государственно-правовом дискурсе политической и админи-

⁵⁰ Ibid. См. также: Nesemann. Ein Staat, kein Gouvernement. S. 173.

⁵¹ «Ingen Constitution, inga Grundlagar äga Vi för närvarande, alt [sic] beror af den Ende, och på Honom hvilar alt [sic] Wårt hopp» [*Подчеркивание в оригинале; Ф. Н.:* KA Helsinki, Ehrenströmin kokoelma (Собрание Эренстрёма) III: Маннергейм Эренстрёму, 30.9.1818.

⁵² KA Helsinki. Ehrenströmin kokoelma III: Маннергейм Эренстрёму, 9.1.1819.

⁵³ Frank Nesemann. «Keine Konstitution, keine Grundgesetze haben wir derzeit...». Verfassungsdenken und Verfassungsbestrebungen im Finnland der frühen Autonomiezeit // NORDEUROPAforum 1/2007. S. 45–76, 49–51. Похожие движущие мотивы лежали и в основе инициативы Густава Маурица Армфельта по присоединению «Старой Финляндии» к великому княжеству, которая в конце концов увенчалась успехом. По словам Армфельта, преследуемая им цель заключалась в том, чтобы в ходе политического и административного объединения всех финляндских областей, находящихся под властью царя, добиться повторного, максимально явного и обязательного признания царем принятого в великом княжестве конституционного и правового устройства. См.: KA Helsinki. G. M. Armfeltin arkisto. I 4 (VA Y 1059): «Réflexions sur la Réunion de l’Ancienne et de la Nouvelle Finlande». S. 22–23.

стративной элиты Финляндии после 1808–1809 гг.: наряду с устоявшейся, старосословной традицией толкования этого термина на передний план стали выходить и понятийные категории современного конституционализма с идеей конституции в духе представительской системы или единой конституционной хартии, положения которой фиксировали бы как границы осуществления государственной власти, так и гражданские права.⁵⁴ «Густавианские» государственные деятели великого княжества считали себя также наследниками и распорядителями дореволюционной, несомненно монархической традиции правления, но в то же время признавали преимущества наличия единого конституционного акта, создающего обязательную норму для базовой политической структуры страны.⁵⁵ В их случае, однако, речь шла о том, чтобы при помощи подобной конституционной хартии облачить в современно-конституционное одеяние явно дореволюционные принципы.⁵⁶

Надежды на издание хартии, которой царь по всей форме подтвердил бы «конституцию» Финляндии, казалось, были близки к исполнению в 1819 году. Александр I в свое время рассматривал возможность введения в России письменной конституции по образцу польской конституции 1815 года, и это давало жителям Финляндии повод надеяться на принятие аналогичного акта в отношении великого княжества.⁵⁷ В конце лета того года царь отправился в продолжительную инспекционную поездку по великому княжеству, во время которой он в необязывающей форме

⁵⁴ Dieter Grimm. *Verfassung (II). Konstitution, Grundgesetze* // Otto Brunner / Werner Conze / Reinhart Koselleck (Hrsg.). *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Bd. 6. Stuttgart, 1990. S. 863–899, 866–868; Nesemann. «Keine Konstitution». S. 51–55.

⁵⁵ В подобном духе написаны, например, два письма Густава Маурица Армфельта его другу Юхану Альбрехту Эренстрёму: KA Helsinki. Ehrenströmin kokoelma. I: Армфельт Эренстрёму, 21 мая и 19 июля 1814 г.

⁵⁶ Nesemann. «Keine Konstitution». S. 52–56.

⁵⁷ В 1818–1819 гг. Александр I поручил своему советнику и другу юности Николаю Новосильцеву разработать проект общегосударственной конституционной хартии; Marc Raeff (Ed.). *Plans for Political Reform in Imperial Russia, 1730–1905*. Englewood Cliffs (N. J.), 1966. P. 110–120; Günther Stökl. *Russische Geschichte. Von den Anfängen bis zur Gegenwart*, Stuttgart, 1990. S. 440–442, 454–456, 467; Janet Hartley. *The 'Constitutions' of Finland and Poland in the Reign of Alexander I: Blueprints for Reform in Russia?* // Michael Branch / Janet M. Hartley / Antoni Mączak (Ed.). *Finland and Poland in the Russian Empire. A Comparative Study*, London, 1995 (SSEES Occasional Papers No. 29). P. 41–59, 44.

упомянул и о возможности созыва нового сейма.⁵⁸ Ко времени этой поездки относятся три финляндские докладные записки царю, содержащие детальные предложения по содержанию конституционного акта, на принятие которого в великом княжестве надеялись в ожидании предстоящего сейма.⁵⁹

Однако эти надежды не сбылись: Александр I так и не решился на издание конституционного акта для Финляндии.⁶⁰

Но это еще не все: в 1826 году государственные деятели Финляндии, имеющие свою собственную государственно-правовую позицию, потерпели также ощутимое поражение в конституционном конфликте с генерал-губернатором и царем. Речь шла о равноправном участии финляндских подданных православного вероисповедания в общественной жизни страны. Без созыва сейма — что противоречило положениям шведско-финляндского государственного права — царь по предложению генерал-губернатора Арсения Закревского (1823–1831) распорядился разрешить православным подданным Финляндии⁶¹ поступать на государственную службу в великом княжестве.⁶²

⁵⁸ Tommila. Suomen autonomian synty. S. 142–146.

⁵⁹ Авторами этих трех докладных записок являются Карл Юхан Валлен, позднее занявший пост прокурора сената, Комитет финляндских дел и Якоб Тенгстрём, архиепископ Турку. См.: J. R. Danielson-Kalmari (Ed.). C. J. Walleenin memoriali Suomen valtiosääntöön tehtävistä korjauksista // Historiallinen arkisto 24, I: 3 (1914). S. 1–35; Idem. Suomen asiain komitean almainen esitys 21 p: ltä kesäkuuta 1819 maamme valtiosääntöön tehtävistä muutoksista // Historiallinen arkisto XXVII, 1 (1918). S. 1–33; A. R. Cederberg (Ed.). Arkikiipsa Tengströmin ajatukset Suomen uudesta perustuslaista // Historiallinen arkisto XXIV, II, 3 [1914]. S. 1–19. Об истории появления этих докладных записок см.: Neseemann. «Keine Konstitution». S. 58.

⁶⁰ Подробнее об этом см.: Neseemann. Ein Staat, kein Gouvernement. S. 206–208.

⁶¹ Подданным из остальных областей империи было весьма непросто получить право на постоянное проживание или на сословную принадлежность в Финляндии. Во многом именно поэтому количество постоянно проживающих в стране русских — т. е. представителей «государственного народа» в петербургской империи — даже в начале XX века составляло лишь очень маленькую процентную долю. По вопросу «прав гражданства» в великом княжестве см.: Max Engman. Borgare och skenborgare i Finland och Ryssland under första hälften av 1800-talet // Historisk Tidskrift för Finland 63 (1978). S. 189–207.

⁶² Более точное описание дано в: Frank Neseemann. Autonomian rajat. Vuosien 1825 ja 1826 perustuslakikonflikti ortodoksien oikeuksista Suomen valtiolisessa elämässä // Timo Soikkanen (Ed.). Taistelu autonomiasta. Perustuslait vai itsevaltiuus? Helsinki, 2009. S. 279–298; Idem. Die Grenzen der Autonomie. Der Verfassungskonflikt von 1825/1826 über die Rechte orthodoxer Gläubiger im öffentlichen Leben des Großfürstentums Finland // Bernd Wegner / Oliver

В прошлом государственные деятели Финляндии неоднократно доносили до Александра I идею о том, что суверену также надлежит соблюдать «конституцию» и законы страны.⁶³ Но в текущей политической реальности эта теоретическая конструкция оказалась нежизнеспособной. С российской точки зрения, в случае неразрешимого столкновения финляндских правовых принципов и вышестоящих государственных соображений империи финляндские притязания должны отходить на второй план.⁶⁴

Российская сторона не считала сделанные Александром I в Порвоо заверения обязательными для себя, а рассматривала их как слова, которые, в принципе, могут быть взяты обратно. Однако из этого не следует делать вывод, что заверения носили чисто декларативный характер, т. е. что они не обладали содержательной стороной. Сохранение — по крайней мере временное — особого правового и административного положения Финляндии в империи было вполне в интересах правительства в Петербурге.

Решающее значение здесь имело то обстоятельство, что включение великого княжества в состав Российской империи происходило в период, когда в Петербурге начинались масштабные реформы, касающиеся государственного и административного управления всей империей в целом. Движущей силой планируемых реформ стал государственный секретарь Михаил Сперанский, с 1808 года по поручению царя курировавший среди прочего политические и административные процессы в Финляндии.⁶⁵

v. Wrochem / Dirk Schümmer (Hrsg.). *Finland und Deutschland. Studien zur Geschichte im 19. und 20. Jahrhundert* (Hamburger Beiträge zur Geschichte des östlichen Europa 17). Hamburg, 2009. S. 3–17.

⁶³ См. конституционную записку Комитета финляндских дел от июня 1819 года: *Suomen asiain komitean alamaisten esitys*. S. 7–8.

⁶⁴ Jussila, *Suomen perustuslait*, с. 95; Nesemann, *Ein Staat, kein Gouvernement*, с. 140–141.

⁶⁵ С 1809 года под надзором Сперанского находилась также Комиссия финляндских дел, в которую входили почти исключительно административные чиновники из «Старой Финляндии», среди которых первоначально не было уроженцев страны. Ей на смену пришел Комитет финляндских дел, состоящий исключительно из финляндских подданных империи. Комитет консультировал царя при принятии решений в делах управления Финляндией, и до перехода Армфельта на русскую службу эта деятельность была в значительной мере под контролем Сперанского. См.: Jyrki Paaskoski. *G. M. Armfelt och Gamla Finland*. S. 305, 316; Nesemann. *Ein Staat, kein Gouvernement*. S. 246–247, 319–320.

Размышляя о реформе империи, Сперанский ориентировался на идеал такого монархического государственного устройства, при котором монарх хотя и обладает неограниченной государственной властью, однако всякое ее отправление подчинено четко установленным правилам, т. е. принципам законности и справедливости.

Отношения между монархом и подданными, по замыслу Сперанского, должны были определяться «конституцией» государства. Под «конституцией» — в соответствии с выработанными в XVII веке и позже западноевропейскими (в первую очередь английскими) государственно-правовыми и политическими теориями⁶⁶ — Сперанский понимал квинтэссенцию всех правовых и политических традиций государства, т. е. те статуты и привилегии, на которые опирались структуры государственной организации и государственные институты.⁶⁷

Свое видение сущности «конституции» государства Сперанский подробно изложил в написанном в 1801 году трактате. Под «конституцией» или «общим статутом» государства, писал он, следует понимать совокупность всех его «фундаментальных законов»: они служат для того, чтобы регулировать отношения между монархом и подданными в долгосрочной перспективе и предотвращать любое вырождение монархического правления в «самовластие».⁶⁸

Таким образом, политическое мышление Сперанского было явно пронизано идеями просвещенного абсолютизма; при этом ему также были близки представления финляндских «густавианцев», согласно которым монархическое правление не должно было входить в противоречие с правом и законом. Однако здесь

⁶⁶ Heinz Mohnhaupt. *Verfassung (I). Konstitution, Status, Lex fundamentalis* // Otto Brunner / Werner Conze / Reinhart Koselleck (Hrsg.). *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Bd. 6. Stuttgart, 1990. S. 831–862, 846–847. См. также: Grimm. *Verfassung*. S. 865–866.

⁶⁷ Соответствующие высказывания Сперанского содержатся в написанной им в 1811 году докладной записке об административной реформе Финляндии. См.: Scheibert (Hrsg.). *Eine Denkschrift Speranskijs*. S. 28–31 (ср. прим. 22). См. также: Marc Raeff. *Michael Speransky. Statesman of Imperial Russia 1772–1839*. The Hague (Den Haag), 1957. P. 120; В. И. Морозов, *Политические и государственные взгляды М. М. Сперанского / М. М. Сперанский. Жизнь, творчество, государственная деятельность*. Сборник статей. СПб, 2000. С. 67–96, 69; Jussila. *Suomen perustuslait*. S. 37, 43, 71.

⁶⁸ С. Н. Валк. *М. М. Сперанский: Проекты и записки*. М.; Л., 1961. С. 31; Jussila. *Suomen perustuslait*. S. 37.

вставал скользкий политический вопрос о том, насколько выдвинутый Сперанским идеал «законности» монархического правления может сочетаться с самодержавным пониманием власти, присущим российским царям.

Путь разрешения этого вопроса Сперанский обозначил в одной из бесед, которые он как преподаватель государственного права вел со своим учеником, великим князем Александром, будущим царем Александром II, в 30-е годы XIX века.

Сперанский отметил, что суверенитет российского правителя, в принципе, невозможно ограничить — ни внутри империи, ни даже за ее пределами. Однако ограничения, которые монарх сам налагает на свою власть — путем заключения международных договоров или «собственным своим словом» внутри самой империи, — имеют, по Сперанскому, принципиально «неизменное и священное» значение и для самого монарха.⁶⁹

В беседе с будущим императором Александром II, в то время великим князем, Сперанский пояснил, что издаваемые правителем законы соответствуют вышеизложенному принципу самоограничения монархической власти в том случае, если они основываются на праве; но там, где право заканчивается и сменяется бесправием, там, разумеется, заканчивается и закон и начинается «самовластие».⁷⁰

Выдвигая идею создания властных структур, в основе которых в свою очередь стоял бы закон, Сперанский имел в виду и Россию; при этом он, конечно, говорил не об ограничении царской власти, а, скорее, о ее укреплении и усилении. Явным образом опираясь на предложенную Монтескье типологию форм правления,⁷¹ он в 1811 году в подробной докладной записке царю изложил идею о том, что существование «фундаментальных законов» может

⁶⁹ «Беседы графа М. М. Сперанского...» // Сборник Императорского русского исторического общества. Т. 1–148. СПб., 1867–1916. Т. 30. С. 370–371.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Montesquieu. De l'esprit des lois, III 7 (цит. по: Denis A. Canal / Michel Clément (Ed.). Montesquieu. De l'esprit des lois. Choix de textes. Paris, 1995. P. 52): «Le gouvernement monarchique suppose, comme nous avons dit, des prééminences, des rangs, et même une noblesse d'origine. La nature de l'honneur est de demander des préférences et des distinctions; il est donc, par la chose même, placé dans ce gouvernement. (...) Vous diriez qu'il en est comme du système de l'univers, où il y a une force qui éloigne sans cesse du centre tous les corps, et une force de pesanteur qui les y ramène. L'honneur fait mouvoir toutes les parties du corps politique; il les lie par son action même; et il se trouve que chacun va au bien commun, croyant aller à ses intérêts particuliers».

быть практически полностью согласовано с основными принципами монархического правления. Как писал Сперанский, «принцип чести», характеризующий монархическую форму правления, может быть реализован только тогда, когда кодифицированные гражданские и уголовные законы гарантируют покой и безопасность граждан.⁷²

Помимо гарантии личного покоя и безопасности Сперанский признавал за подданными монархического правителя лишь одно собственно политическое право — право жить с соответствующей «конституцией», данной и поддерживаемой монархом.⁷³

Из этих предпосылок, по мысли Сперанского, неизбежно следовало, что политические и общественные структуры, лежащие в основе монархического государственного устройства, по сути своей очень просты и всюду принципиально сходны между собой: от семьи как ячейки общества до всех других социальных уровней.⁷⁴

Именно «конституция» Финляндии была для Сперанского одним из старейших наглядных примеров феодальной системы верноподданничества и принципа корпоративной организации общества; она же, по его мнению, легла в основу системы словного представительства, низшей ступенью которой является местная община.⁷⁵

⁷² Scheibert (Hrsg.). Eine Denkschrift Speranskijs. S. 28, 6–7: «La science du Gouvernement se partage en deux branches importantes, dont chacune se subdivise en un grand nombre de rameaux tous entre eux dans une étroite liaison; l'une a pour but les principes de sa constitution (les lois civiles et pénales), l'autre les règles de sa conduite. La première en établissant son état légal (la vraie liberté), élève le citoyen au Principe de l'honneur qui est celui du Gouvernement monarchique, de même qu'en affermissant l'ordre en faisant régner la justice, elle garantit sa sûreté et sa tranquillité (...)».

⁷³ Ibid. S. 30, 13: «Le fait est qu'il n'existe [sic] qu'un seul droit politique, c'est celui de vivre dans une constitution légale sanctionnée et maintenue dans son activité par un Monarque».

⁷⁴ Ibid.

⁷⁵ Scheibert (Hrsg.). Eine Denkschrift Speranskijs. S. 28, 8: «La constitution de la Finlande est un des plus anciens monumens [sic] de la féodalité et du Principe des communautés». См. также: Ibid. S. 29, 10: «La civilisation commença par les corporations: la féodalité n'a point produit l'esclavage, au contraire c'est elle qui le fit disparaître [sic] dans toute l'Europe. Partout où elle fut abolie, le despotisme s'est établi ensuite». Ibid. S. 29, 11: «Il est simple que les propriétaires, les chefs de famille qui composent la commune, s'assemblent pour s'accorder sur les objets qui sont pour eux d'un intérêt commun. Voilà l'origine de la Représentation, qui dans chaque État [sic] bien organisé devient commun à toutes les trois ou quatre classes qui le constituent — chacune dans sa sphère».

По предположению Сперанского, похожая «конституция» — в смысле базовых общественных структур — существовала ранее и в России: по его мнению, это подтверждается наличием «крестьянских миров», «ценнейшего памятника», еще сохранившегося от прежнего порядка вещей.⁷⁶

По мнению Сперанского, в основе политического и общественного устройства России и Финляндии лежали некие общие структурные принципы. Однако только что завоеванная часть империи была, на его взгляд, ближе к тому идеалу «монархического правового государства», на который он ориентировался при разработке идей по реформированию российской государственности. В своей подробной докладной записке 1811 года он подчеркивает, что Финляндии знакомо эффективное представительство сословий, благодаря которому законодатель всегда может располагать надежной информацией об актуальных политических и административных делах, а также обо всех имеющихся нарушениях. Таким образом, как пишет Сперанский, и монарх, и его подданные имеют бесценную возможность наблюдать, как реализуется верховенство закона.⁷⁷ По его мнению, Финляндия и в иных отношениях выгодно отличается от других «провинций» империи: там хорошо организована судебная система, а крестьяне имеют право свободно покидать обрабатываемые ими земли.⁷⁸

Последнее из приведенных выше высказываний Сперанского, явно критическое по отношению к существовавшему в основных областях империи крепостному праву, без сомнения находилось

⁷⁶ Ibid. S. 29, 9: «Une constitution semblable étoit [sic] établie jadis en Russie, elle y existe encore en partie dans le fait. Les communes des paysans (Krest'janskie miry) sont le monument le plus précieux qui nous reste de l'ancien ordre des choses».

⁷⁷ Ibid. S. 30, 14–15: «La Finlande offre l'exemple d'une représentation organisée avec une grande simplicité et qui procure au Souverain les moyens d'avoir les notions les plus exactes sur l'état des choses, Les Diètes, les Etats, composés des députés des différentes classes, concourent à fournir les matériaux à la législation; ils peuvent l'éclairer par leurs lumières sur les localités et sur les lacunes que l'expérience a fait connoître [sic]. Il en est de même relativement aux mesures administratives, et c'est ainsi que l'Empereur et ses sujets (de toutes les classes) jouiront de l'avantage inappréciable de voir régner les lois».

⁷⁸ Ibid. S. 35, 28: «La Finlande a cet avantage sur les autres Provinces de la Russie, que la partie judiciaire y est bien établie et que les paysans sont libres de quitter le terrain qu'ils cultivent». По всем процитированным здесь высказываниям Сперанского об основах государственного устройства и о принципах «конституции» Финляндии см.: Neseemann, Ein Staat, kein Gouvernement. S. 114–115.

уже на грани того, что царская бюрократия еще могла считать допустимой критикой существующих порядков. Несмотря на то, что Александр I часто заявлял о своей принципиальной готовности к масштабным политическим нововведениям, в реальной политической жизни он неизменно заботился о том, чтобы на его полноту власти не накладывалось никаких видимых ограничений, даже если такие ограничения (согласно его самодержавному пониманию власти) в любом случае могли иметь лишь формальный характер.⁷⁹

Таким образом разговорам о реформе были заданы четкие границы. Однако сам Александр I в первые годы своего правления в кругу своих доверенных лиц тоже всерьез размышлял о необходимости общей юридикации царской власти. К числу друзей и доверенных лиц царя, входивших в Негласный комитет⁸⁰ — неофициальный совещательный орган, существовавший с 1801 по 1803 г., — относились польский магнат Адам Ежи Чарторыйский, с 1804 по 1806 г. занимавший пост министра иностранных дел Российской империи,⁸¹ и граф Павел Строганов. Последний как-то дал следующую трактовку понятия «конституция»: это закон, определяющий порядок создания административных положений. По словам Строганова, если в рамках такого закона возникнет необходимость внесения изменений либо дополнений, то они будут вноситься в соответствии с «конституцией» как с принципиально неизменной основой: в качестве фундаментального государственного закона она закрывает дверь всякому произволу и уменьшит зло, происходящее от различия дарований и способностей тех, кто стоит во главе государства.⁸²

Так как это определение было сформулировано Строгановым в самом узком кругу советников Александра I, можно с уверенностью предположить, что оно по существу соответствовало воззрениям царя.

⁷⁹ Johannes Remy. *Läntiset kuvernementit venäläisessä ja puolalaisessa poliittisessa ajattelussa 1772–1863* // Jorma Selovuori (Ed.)... vaikka voissa paistais? *Venäjäin rooli Suomessa*. Juhlakirja professori Osmo Jussilalle 14. maaliskuuta 1998. Porvoo / Helsinki / Juva, 1998. S. 81–107, 90; кроме того: Jussila. *Suomen perustuslait*. S. 85–89, 110.

⁸⁰ Об этом комитете см.: Stökl. *Russische Geschichte*. S. 454–455.

⁸¹ О роли Чарторыйского в успешной реализации инициативы Густава Маурица Армфельта по объединению «Старой Финляндии» с великим княжеством (см. выше, прим. 53) см.: Paaskoski. G. M. Armfelt och Gamla Finland. S. 310; Remy. *Läntiset kuvernementit*. S. 86–88; Neemann. «Ein großes Werk...» S. 67–68.

⁸² См.: Janet Hartley. *The 'Constitutions' of Finland and Poland*. P. 44–45.

Об этом косвенно свидетельствует и князь Пётр Вяземский в своих мемуарах, описывая беседу с царем в 1820 году. Во время беседы среди прочего обсуждался и тогдашний проект «конституции» для всей империи, разработанный Николаем Новосильцевым по поручению царя.⁸³ Как пишет Вяземский, в свете этого возник вопрос, как перевести на русский язык французские понятия «*constitution*» и «*libéral*». Авторство принятых в итоге вариантов «государственное уложение» и «законносвободный» Вяземский приписывает самому царю.⁸⁴

Несмотря на то, что конкретные политические действия Александра I часто были спонтанными и недостаточно последовательными, можно по праву предполагать, что его представление о сути «конституции» в основе своей оставалось неизменным на протяжении всего периода правления.⁸⁵ Когда в 1811 году Сперанский писал о существующих в Финляндии политических, общественных и правовых структурах как о положительном примере для всей Российской империи, он мог с большой вероятностью надеяться на положительный отклик со стороны царя. Такое предположение основывается также на личном мнении царя по этому вопросу, высказанном им в состоявшейся в те годы беседе с Густавом Маурицем Армфельтом.

Во время этой беседы Армфельт спросил Александра I, не мешают ли ему править Финляндией действующие в стране принципы управления и административные структуры. На это царь ответил, что законодательно закрепленные традиции и институты, давно существующие в великом княжестве, ему намного более по нраву, нежели совершенное свободное отправление власти, основывающееся исключительно на собственной воле правителя и требующее от монарха такой степени совершенства, которой, «увы, нельзя ожидать ни от одного человека». В Финляндии, добавил Александр I, царь всегда может располагать всеми сведениями и знаниями, необходимыми ему для управления страной; в России же вокруг него царят лишь

⁸³ Текст проекта Новосильцева см. В: Raeff (Ed.). *Plans for Political Reform*. P. 110–120 (ср. прим. 57). См. также: Stökl, *Russische Geschichte*. S. 467.

⁸⁴ Hartley. *The 'Constitutions' of Finland and Poland*. P. 44.

⁸⁵ Так, например, Александр I еще в 1822 году рассказал французскому послу Ла-Ферроне о своем почтении к «конституционным» институтам, хотя и сделал оговорку, что ему кажется, что по большому счету они годятся лишь для «просвещенных наций». Ср.: Hartley. *The 'Constitutions' of Finland and Poland*. P. 44.

«неопределенность и почти всегда обычаи, подменившие собой законы».⁸⁶

Для Сперанского великое княжество Финляндское было — по крайней мере, в определенных пределах — примером или образцом для общей реформы империи. Такую точку зрения он сформировал, несомненно, также и на основе знаний, полученных в ходе изучения «Старой Финляндии».

В подробной докладной записке царю, написанной в 1811 году, Сперанский охарактеризовал административные условия, сложившиеся в «Старой Финляндии» в результате временного введения российского Учреждения о губерниях, как в высшей степени неблагоприятную смесь традиционно действующих шведских и добавленных позднее российских правовых форм. По мнению Сперанского, особенно негативное влияние на «старофинляндские» правовые отношения это сложное и противоречивое многообразие законов оказывало в налоговой сфере и в сфере землевладения. При этом Сперанский хвалил образцовую эффективность управления в великом княжестве, а также высокое материальное качество действующего там шведского права — в особенности обширного кодекса законов *Allmän Lag*, вступившего в силу в 1734 году, который он назвал краеугольным камнем «коренного шведского законодательства».⁸⁷

Исходя из этого, Сперанский обозначил своей целью распространение действия данного кодекса на все области Финляндии, находящиеся под российским господством.⁸⁸ Поэтому он выступил в поддержку инициативы Густава Маурица Армфельта по присоединению «Старой Финляндии» к великому княжеству. Он собственноручно составил текст указа от 11 (23) декабря 1811 года, которым было утверждено объединение «обеих Финляндий».⁸⁹ Согласно этому указу, на «Старую Финляндию»

⁸⁶ «Mon cher baron, répondit l'empereur, je vous jure que ces formes me plaisent bien davantage que cet exercice d'un libre arbitre, qui n'a pour base que ma volonté, et qui admet un principe de perfection chez le souverain, qui n'est pas, hélas! [sic], dans l'humanité. Ici [en Finlande; Ф. Н.] je ne peux me tromper, que parce que je le veux bien: toutes les lumières me sont offertes; là [en Russie; Ф. Н.] je ne suis entouré que d'incertitude et presque toujours d'habitudes, qui ont suppléé aux lois». Цит. по: Heikki Ylikangas. Finlands administrativa ställning inom det ryska riket // Historisk Tidskrift för Finland 80 (1995). S. 289–308, 295.

⁸⁷ Докладная записка Сперанского «О соединении старой Финляндии» (ср. прим. 24). Лл. 20–33, 21, 28–31.

⁸⁸ Там же. Лл. 20–33.

⁸⁹ См.: Paaskoski. G. M. Armfelt och Gamla Finland. S. 313.

полностью и без ограничений распространялись действующие в великом княжестве законы, а «старофинляндская» администрация полностью интегрировалась в административные структуры великого княжества.⁹⁰ Еще один манифест, провозглашенный именем императора на рубеже 1811–1812 годов, письменно подтвердил право сословий «Старой Финляндии» быть представленными на финляндских сеймах «в соответствии с конституцией» великого княжества.⁹¹

Объединение «Старой Финляндии» с великим княжеством — один из примеров, подтверждающих, что неопределенно сформулированные заверения Александра I в отношении Финляндии носили не только декларативный характер: им соответствовали конкретные намерения на уровне имперского правительства в Петербурге. Следуя просвещенно-абсолютистскому идеалу функциональности, согласно которому государственная машина должна была работать по возможности бесперебойно, безошибочно и целесообразно, данная политическая линия, сформированная в значительной степени Сперанским, признала полезность права и административных форм на финляндской окраине империи.

Таким образом становление правительственных и административных органов в Великом Княжестве Финляндском было обусловлено явным стремлением петербургского имперского правительства хотя бы временно сохранить конституционные структуры шведских времен. Основополагающую роль здесь сыграло распоряжение Александра I, изданное еще до сейма 1809 года: 19 ноября (1 декабря) 1808 года император приказал вывести финляндские правительственные и административные дела из-под компетенции российских имперских министерств, т. е. создать принципиально разделенные политические и административные сферы для великого княжества и для основных областей империи.⁹²

Во главе правительства и администрации великого княжества в качестве непосредственного представителя царя находился генерал-губернатор. Он председательствовал в учрежденном в 1809 году высшем политическом и административном (а так-

⁹⁰ Samling af Placater. 1. S. 181–182.

⁹¹ Ibid. S. 182–186.

⁹² Yrjö Maunu Sprengtporten'in, Suomen kenraali-kuvernörin (sic!), virallista kirjevaihtoa vv. 1808–1809 // Correspondance officielle de George Magnus Sprengtporten, gouverneur général de la Finlande en 1808–1809 / Ed. Yrjö Koskinen. Helsinki, 1882 (Todistuskappaleita Suomen historiaan 1). S. XVII.

же судебном) органе страны: это был Правительствующий совет, состоявший из хозяйственного и судебного департаментов и в 1816 году переименованный в Сенат.⁹³ С российской точки зрения оба этих органа — генерал-губернатор и назначенный царем Совет/Сенат — были представителями монарха в Финляндии и воплощали его власть.

Дополнением к этому высшему политическому и административному органу служил уже упоминавшийся Комитет финляндских дел, заседавший в Петербурге и состоявший исключительно из финляндских подданных царя.⁹⁴ Согласно уставу Комитета, его цель — в соответствии с вышеупомянутым распоряжением от 19 ноября (1 декабря) 1808 года — заключалась в докладывании царю по всем вопросам, решение которых по действующим на тот момент (шведским) законам находилось непосредственно в сфере компетенции монарха.⁹⁵ Комитет был основан по инициативе Армфельта, он же руководил им до самой смерти. На протяжении без малого десяти лет петербургский Комитет финляндских дел занимал доминирующее положение в правительственных и административных делах Финляндии.⁹⁶

В марте 1826 года по инициативе Арсения Закревского, занимавшего пост генерал-губернатора с 1823 по 1831 гг., Комитет был распущен. Вместо этого была учреждена должность статс-секретаря (с 1834 года — министра-статс-секретаря) по делам Великого Княжества Финляндского. Самая важная функция этого чиновника, которому, как и членам Комитета, надлежало быть финляндского происхождения, заключалась в проверке

⁹³ Председателем Правительствующего совета / Сената и его хозяйственного департамента был генерал-губернатор. Ср. устав Правительствующего совета от 18 августа 1809 г.: *Samling af Placater*. 1. S. 23–35, 24–25.

⁹⁴ Ранее в вопросах, касающихся финляндской политики, царя консультировал другой орган: уже упомянутая Комиссия финляндских дел, состоявшая преимущественно из представителей аристократической управленческой элиты «Старой Финляндии», не являвшихся уроженцами страны (ср. прим. 65). Но поскольку эта комиссия работала крайне неэффективно и к тому же редко собиралась, Александр I с самого начала положительно относился к предложению Армфельта заменить Комиссию финляндских дел комитетом, состоящим только из финляндских подданных. См.: Keijo Korhonen. Suomen asiain komitea. Suomen korkeimman hallinnon järjestytyt ja toteuttaminen vuosina 1811–1826. Helsinki, 1963 (*Historiallisia Tutkimuksia* 65). S. 36–41; а также: Paaskoski. G. M. Armfelt och Gamla Finland. S. 305–306; Tommila. Suomen autonomian synty. S. 90.

⁹⁵ О начале деятельности комитета см.: Korhonen. Suomen asiain komitea. S. 41–87.

⁹⁶ *Ibid.* S. 88–249.

и представлении царю сведений о том, насколько законы Российской империи согласуются с собственной конституционной и правовой структурой Финляндии.⁹⁷ Таким образом, ему отводилась ключевая роль в правительственных и административных отношениях между Российской империей и де-факто автономной Финляндией: пока на исходе XIX века между Россией и Финляндией не началась «правовая борьба», его голос регулярно имел решающее значение при решении вопросов о том, согласуются ли (и если да, то при каких условиях) законопроекты Российской империи с правом автономной Финляндии и насколько тот или иной законодательный акт вообще затрагивает Финляндию.⁹⁸

С российской точки зрения такое особое положение Финляндии было принципиально временным. На это указывал не в последнюю очередь и тот российский государственный деятель, который рассматривал шведское правовое и административное наследие как образец для обширной реформы Российской империи, — Михаил Сперанский. Не случайно в своей подробной докладной записке 1811 года, содержащей анализ конституционных структур Финляндии, он недвусмысленно писал о том, что сохранение действующих в Финляндии «фундаментальных законов» представляет собой исключительно акт доброй воли со стороны царя и может быть в принципе отменено в любой момент.⁹⁹

Кроме того, учрежденная в 1808 году и находившаяся де-факто под управлением Сперанского Комиссия составления законов имела своей целью в перспективе заменить действующие на окраинах империи правовые формы и законы нероссийского происхождения соответствующими правовыми положениями единого для всей империи российского кодекса. Такой кодекс должен был вступить в силу по достижении российским имперским правом адекватного уровня качества. Судя по всему, эти планы распространялись не только на прибалтийские губернии, но и на недавно включенное в состав империи Великое Княжество Финляндское. Однако до временной опалы Сперанского,

⁹⁷ Neesemann. Ein Staat, kein Gouvernement. S. 284–291.

⁹⁸ См.: Osmo Jussila. Kenraalikuvernööri, ministerivaltiosihteerit ja senaattit // Suomen keskushallinnon historia 1809–1996. Helsinki, 1996. S. 47–293, 97; Idem. Die russische Reichsgesetzgebung in Finnland in den Jahren 1809–1898. Eine Untersuchung über das Verhältnis zwischen allgemeiner und lokaler Gesetzgebung im Russischen Kaiserreich // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas N. F. 33 (1985). S. 345–365; Neesemann. Ein Staat, kein Gouvernement. S. 284–297.

⁹⁹ Scheibert (Hrsg.). Eine Denkschrift Speranskij's. S. 30–31, 14–18.

начавшейся в 1812 году, эти планы так и не вышли за пределы чисто теоретических построений.¹⁰⁰

Вернувшись в столицу империи, Сперанский лишь в 1826 году снова занял руководящую должность по работе над кодификацией законов, возглавив Второе отделение императорской канцелярии. Под его руководством был наконец составлен Свод законов — единый кодекс законов для Российской империи. Попытки подобной кодификации в масштабах всей империи безуспешно предпринимались еще со времен Петра I.¹⁰¹

Вступивший в силу в начале 1835 года Свод законов не содержал, однако, положений, касающихся нероссийских окраинных областей (а также положений, касающихся армии и церкви).¹⁰² Лишь после смерти Сперанского, начиная с 1842 года, Государственный совет Российской империи вновь занялся планами унификации различных правовых положений, существующих в разных частях империи. Дошло дело и до финляндского государственного и конституционного права. Однако осуществлявшаяся при участии представителей Финляндии кодификационная деятельность была вновь прервана примерно в 1848 году.¹⁰³

В этих условиях особое в правовом и административном отношении положение Финляндии в Российской империи на протяжении многих десятилетий оставалось практически нетронутым. Лишь в последние два десятилетия XIX века российская сторона начала принципиально ставить под вопрос автономию великого княжества.¹⁰⁴

Перевод с немецкого Сергея Медведева

¹⁰⁰ Osmo Jussila. Finland in der Gesetzkodifikation zur Zeit Nikolajs I // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas* N. F. 20 (1972). S. 24–41, 25.

¹⁰¹ В. И. Морозов. М. М. Сперанский — руководитель и кодификатор законов // М. М. Сперанский. С. 97–112, 103–107; Hans-Joachim Torke. Einführung in die Geschichte Rußlands. München, 1997. S. 152.

¹⁰² Torke. Einführung in die Geschichte Rußlands. S. 152.

¹⁰³ РГИА. Ф. 1409. Оп. 1. Д. 1559 (NL MF 283). См. Также: E. G. Palmén. Kodifioimisaikeista 1830- ja 1840-luvuilla (Esitelmä historian tutkijain ja opettajain kokouksessa 1914) // *Historiallinen aikakauskirja* 1914. S. 1–10; Jussila. Suomen suuriruhtinaskunta. S. 205–231; Idem. Suomen perustuslait. S. 92, 186–211; Idem. Finland in der Gesetzkodifikation. S. 26.

¹⁰⁴ См. краткое изложение в: Jussila. Finland som storfurstendöme. S. 83–95.